
A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. Боборыкина.

МОСКВА

1858.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. БОБОРЫКИНА.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. Боборыкина.

МОСКВА.

Въ Типографіи Каткова и К°.

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 15 января 1858 года.

Ценсоръ Н. Фонъ-Крузе.

Ни одно изъ этихъ стихотвореній не было еще нигдѣ напечатано.

I.

МУЗАМЪ.

Дивныя сестры, свѣтлыя музы, будьте привѣтны
Старому другу, подъ сѣнью таинственныхъ розъ!
Въ вашей бесѣдѣ, длинные годы шли незамѣтны,
Вамъ ихъ, о музы! я въ жертву свободно принёсъ.

Буду-ль жалѣть объ утратѣ, — для всѣхъ неизбѣжной,
Юности пылкихъ, исполненныхъ жизни, годовъ!
Вамъ посвятилъ я ихъ, дѣвы, и съ дружбою нѣжной,
Если-бъ могъ снова жить, съ вами-жъ дѣлить ихъ готовъ!
Въ дни испытаній, въ бурное время тайной печали,
Въ дни, столько многимъ знакомой, сердечной борьбы, —
Какъ благосклонно, музы, на зовъ мой, вы отвѣчали,
Сколько отрады мнѣ приносили въ горести вы!
Въ вашемъ общеньи, я примирялся съ злостію свѣта,
Съ жалкой толпою скучныхъ злодѣевъ, хитрыхъ глупцовъ.
Будьте-жъ привѣтны, дѣвы Парнасса, — въ даръ отъ поэта
Скромный примите вѣнокъ изъ нетлѣнныхъ цвѣтовъ!

II.

МІРЫ.

Въ одномъ пространствѣ нѣсколько міровъ,
Быть-можетъ, существуетъ безъ смѣшенья, —
Какъ съ міромъ звуковъ — чудный міръ цвѣтовъ,
Какъ съ міромъ зла — къ прекрасному любовь,
Какъ съ жизнью чувствъ — духовидѣнье...

И есть міры, которымъ никогда
Не суждено, быть можетъ, знать друга друга;
Хотя одна вмѣщаетъ ихъ среда,
Хотя они вращаются всегда
    Въ одномъ пути земнаго круга.

Но въ сердцѣ человѣка много ихъ
Сбирается на странное свиданье,
И дышетъ общей жизнью, и на мигъ
Вражда стихій смиряется земныхъ
    Въ высокомъ таинствѣ сознанья;

И все что̀ рѣзко такъ раздѣлено
Законами Изиды сокровенной,
Всему на время встрѣтиться дано:
И человѣкъ, какъ чудное звено
    Въ цѣпи существъ, среди вселенной,

Какъ чудный мостъ, надъ бездной бытія
Могучей перекинутый рукою,
Всѣ полюсы сближаетъ, всѣ края!
Въ немъ съ небесами сходится земля
Полна разумной красотою!

Но часъ пробилъ, — ужасный, роковой,
И вотъ міры другъ другу чужды снова...
И подъ тяжелой, безотрадной мглой,
Опять въ природѣ мертвой и нѣмой
Все непривѣтно и сурово!..

III.

Голосъ бури.

Темной бури завыванье,
Вѣтра шумъ и гулъ ночной,
Что поешь ты мнѣ — страданье,
Или радость и покой?

Въ этомъ голосѣ природы,
Въ этомъ воѣ непогоды
Есть конечно смыслъ иной...
Не случайно-жъ такъ глубоко
Грусть въ душѣ, какъ будто рока
Приговоръ ужъ надо мной!..

Этотъ голосъ, это пѣнье,
Этотъ хоръ духовъ земныхъ —
Въ мірѣ чистомъ сновидѣнья
Я когда-то слышалъ ихъ....
И таинственные звуки,
Жизни радость, смерти муки
Раскрывали предо мной...
Но природы откровенье
Смолкло вдругъ, — и безъ значенья
Сталъ мнѣ бури дикій вой!

И ищу напрасно словъ я
Въ этой музыкѣ нѣмой,
Жизни грубыя условья
Крѣпко духъ сковали мой!
Голосъ тайныхъ силъ природы,
Вѣтра шумъ и непогоды
Непонятенъ сталъ ужъ мнѣ...
И съ безсмысленной толпою
Я внимаю бури вою
Въ равнодушномъ полу-снѣ!...

IV.

АСТРОЛОГЪ.

Есть письмена... Ихъ странное значенье
Враждебный духъ когда-то мнѣ открылъ;
Съ тѣхъ поръ, въ огнѣ безвыходномъ сомнѣнья
Я тлѣю весь, какъ трупъ въ тѣни могилъ!..

И тщетно вновь, довѣрчивой мечтою,
Ночныхъ небесъ я вопрошаю видъ...
Насмѣшливо, раскинутъ надо мною,
Отвѣтъ огромный тамъ горитъ!...

О горе мнѣ! Зачѣмъ разгадкой злобной
Распался онъ — таинственный языкъ!
Зачѣмъ такъ рано смыслъ его надгробный
Наукою холодной я проникъ!
Случайные, обманчивые знаки,
Зачѣмъ я васъ пытался разобрать,
И будущность судебъ земныхъ, во мракѣ,
По книгѣ вѣчной прочитать!

И думалъ я, придетъ трудамъ возмездье...
А вы, ряды безчисленныхъ свѣтилъ,
На грозныя, недвижныя созвѣздья
Какой законъ васъ такъ расположилъ?

Но горе мнѣ! Іероглифы міра
Не намъ понять, и не для насъ они....
Съ тѣхъ поръ звучитъ моя печально лира
И тянутся пустые дни!...

V.

РАВЕНСТВО.

Вы, здѣсь, въ концѣ сидящіе стола,
  На жизненномъ роскошномъ пирѣ,
Пришельцы поздніе! — вы, чашу зла
  Испившіе до дна въ семъ мірѣ:

Утѣшьтесь! Всѣхъ здѣсь общій ждетъ удѣлъ!
Уравнены всѣ чудно доли!
Никто судьбы неотразимыхъ стрѣлъ
Не избѣжалъ въ земной юдоли!
И богачи, и сильные земли
Такихъ-же данники болѣзней,
И ихъ усилья миръ душѣ найдти,
Быть можетъ, вашихъ безполезнѣй!
Равно непроченъ всѣхъ въ пустынѣ слѣдъ,
И предъ закономъ общимъ міра
Покорно все — и камень и поэтъ, —
Лице и вещь — и мечъ и лира!
Во времени явиться все должно̀
И постепенно развиваться,
А иногда — погибшее зерно
Забытымъ вѣкъ въ землѣ остаться!
Всему извѣстный здѣсь назначенъ путь,
Въ порядкѣ праведномъ вселенной;

Всему конецъ придетъ когда нибудь,
  Для будущности отдаленной!
И уровень ужасный положонъ
  Природою на всѣ явленья,
Они пройдутъ предъ нами всѣ какъ сонъ!
  Всѣ удалятся — въ міръ забвенья!

VI.

ДУХЪ СМЕРТИ.

Сенека правъ: — не въ будущемъ, вдали
Печально ждетъ насъ смерти призракъ тёмный;
Онъ ближе къ намъ; онъ мрачный духъ земли,
Со всѣхъ сторонъ насъ давитъ сводъ надгробный!

День завтрашній не нашъ; но во сто разъ
Принадлежитъ намъ меньше день прожитый!
И если скрытъ отъ всѣхъ послѣдній часъ,
Минувшихъ дней судьба для всѣхъ открыта...
Они давно во власти смерти! — тамъ,
Гдѣ мракъ густой все быстро поглощаетъ!
Какъ тѣнь, она за нами по пятамъ
Идётъ во слѣдъ — и всё уничтожаетъ!
Гдѣ юность наша? дѣтства сладкій мигъ?
Гдѣ радости любви святой, глубокой?..
Они прошли! Ихъ нѣтъ! И память ихъ
Еще одна живетъ въ насъ одиноко....
Но память развѣ жизнь? — Болѣзнь, ударъ,
Паденіе — не могутъ-ли случайно
Отнять на вѣкъ и этотъ бренный даръ? —
И все тогда намъ снова будетъ тайной!.

VII.

ВИДѢНІЕ УЗНИКА.

Изъ окна тюрьмы печальной,
Сквозь бойницы узкій свѣтъ,
Сводъ лазури видѣнъ дальный,
Утра майскаго привѣтъ;

И по небу вѣтеръ гонитъ
Рядъ весеннихъ облаковъ...
Узникъ въ небѣ мыслью тонетъ —
Мысль не вѣдаетъ оковъ!
Погружаясь въ бездну жизни,
Въ безграничность бытія,
Онъ забылъ про зовъ отчизны,
Про родимыя поля,
Про друзей тоску нѣмую,
Про жену и про дѣтей,
И, на мигъ, всю жизнь земную
Потопилъ въ мечтѣ своей...

И глубоко, и прекрасно
Онъ забылся... міръ исчезъ —
И другой, святой, безстрастный
Міръ чудесно въ нёмъ воскресъ!

Мѣсто, время, всѣ дѣленья,
Всѣ условья бытія,
Какъ-бы въ царствѣ сновидѣнья
Вмигъ смѣшались... и земля
Ужъ виднѣлася далёко,
Завернувшись въ паръ густой,
Окруженная широко
Хладной, черной пустотой....

Безтѣлесными очами,
Обнимая вѣчный кругъ,
Что̀ предъ нами, что̀ за нами,
Узникъ все могъ видѣть вдругъ;
И куда-бъ его вниманье
Не стремилось, весь онъ былъ
Тамъ внезапно, съ даромъ знанья,
Съ полнотой душевныхъ силъ!

Шаръ Нептуна-ли громадный,
Инфузорій-ли земной, —
Изучить, понять все жадно
Могъ онъ волею одной...

И онъ видѣлъ — міръ безмѣренъ!..
Нѣтъ творенію конца!..
Но вездѣ себѣ былъ вѣренъ
Духъ божественный Творца;
Но вездѣ законы міра
Были правильно одни;
Отъ зенита до надира,
Отъ породъ младой земли
До существъ намъ неизвѣстныхъ,
Въ общей формулѣ одной
Все сливалось, все чудесно
Свѣтлый кругъ свершало свой!

Восходила, нисходила,
Цѣпь живая бытія...
Проникала и живила
Міръ невѣдомая сила,
Какъ цѣлебная струя.
Смерти не было, — все вѣчно
Измѣнялось и цвѣло,
И, надъ жизнью скоротечной,
Море жизни безконечной
Необъятное текло!...

Существа переходили,
Развиваясь, въ міръ другой;
Въ сферу высшую вносили
Опытъ мудрости святой;
Покоряясь-же, другія,

Низшихъ жребію породъ,
Распадались на стихіи....

И онъ видѣлъ, все живётъ
Гармонически прекрасно,
Чудный празднуя свой пиръ...
Гдѣ-же міръ свирѣпо-страстный,
Гдѣ-жъ людей презрѣнный міръ?
Гдѣ-жъ измѣна, гдѣ гоненье,
Гдѣ насилье, клевета?..
Въ лучезарномъ сновидѣньѣ,
Зло исчезло, какъ мечта!

Такъ, при полномъ изученьи
Совокупности вещей,
Въ общемъ цѣлаго видѣньи,

Зло исчезнетъ для людей!
Зло случайность, — заблужденье,
Тѣнь въ картинѣ, тѣни тѣнь...
Безконечно восхожденье
Солнца правды! вѣченъ день
Торжества его святаго; —
Онъ придетъ, онъ озаритъ
Путь земной, — и лучшій, новый
Вся природа приметъ видъ!...

И отрадно духу было,
Въ этихъ чистыхъ высотахъ,
Созерцать законы, силы,
Колыбели и могилы,
И величіе и прахъ!...

Но мечты прекрасный геній

*
* *

Не надолго прилетѣлъ;
Рядъ волшебныхъ сновидѣній
Вдругъ разбился, потемнѣлъ...
Узникъ быстро пробудился...
Въ нёмъ потухъ всезнанья лучь;
За дверьми тюремщикъ злился
И бранилъ свой ржавый ключь,
Торопясь, гремѣлъ затворомъ...
Въ звонкой збруѣ боевой
Стража, утреннимъ дозоромъ,
Проходила за стѣной.

Но изъ круга сновидѣнья,
Какъ-бы отблескъ неземной,
Узникъ даръ принёсъ терпѣнья,
Теплоту любви святой!
И страданія неволи

Онъ врагамъ своимъ простилъ,
И спокойнѣй тяжкой доли
Грусть теперь переносилъ,
Равнодушно ожидая,
Жизнь когда свой оборотъ
Совершитъ, — и жизнь другая
Путь таинственный начнётъ....

VIII.

ИЗЪ ЛУКРЕЦІЯ.

Отрадно съ берега высокаго на море
Смотрѣть, когда оно, съ стихіями въ раздорѣ,
Несчастнаго пловца бросаетъ по волнамъ;
Не горе ближняго пріятно видѣть намъ,
Но въ пристани давно, на твердомъ основаньи,

Быть сладко зрителемъ намъ чуждаго страданья.
Пріятно издали смотрѣть на страшный бой,
На встрѣчу войскъ, со стѣнъ твердыни вѣковой;
Но вѣрь, нѣтъ ничего пріятнѣй во вселенной,
Какъ изъ обители, въ душѣ сооруженной,
Изъ храма мудрости, съ духовной высоты,
Смотрѣть на жалкій міръ страстей и суеты!
На вѣчную борьбу за первенство пустое
Людей, ни день, ни ночь не знающихъ покоя!
Смотрѣть какъ ползаетъ надменный смертныхъ родъ,
Среди искательства постыднѣйшихъ заботъ;
Какъ жаждой почестей, богатства, жаждой славы
Томится этотъ родъ и глупый и лукавый!
Какъ низкая толпа тщеславныхъ дураковъ,
Готова проливать рѣкою слёзы, кровь,
Чтобы достигнуть правъ, сомнительныхъ, ничтожныхъ,
И цѣлей мелочныхъ, и благъ пустыхъ и ложныхъ!

IX.

ЛЕТА.

Рѣка забвенія! въ тебѣ,
Не зная страха и печали,
Себя, покорные Судьбѣ,
Олимпа боги погружали!

И мы, отбросивъ глупый страхъ
И славы дѣтское желанье,
И мы, въ невидимыхъ волнахъ,
Потопимъ радость и страданье;
Страстей тщеславныхъ шумъ пустой,
Надежды лучь непостоянный,
Весь этотъ міръ условный, странный —
И обрѣтёмъ душѣ покой!

X.

ПУСТЫННИКУ.

Святыхъ высотъ науки, размышленья,
Не покидай для свѣта и людей:
Въ тѣни лѣсовъ, въ глуши уединенья
Свободнѣй умъ, душа свѣтлѣй.

Вдали столицъ, вдали отъ знатной черни,
Юпитера тебѣ не страшенъ громъ;
Но Феба лучь, но тихій свѣтъ вечерній
Твой осѣнитъ избранный домъ!..

И въ тишинѣ, безвѣстной, безмятежной,
Не издержавъ и дня на шумъ пустой,
Достигнешь ты границы неизбѣжной,
Довольный міромъ и собой!

XI.

ЛЮБОВЬ.

Есть дивная, таинственная вѣра:
Условныхъ формъ и знаковъ нѣтъ у ней,
Фанатика, ханжи и лицемѣра
Не встрѣтите среди ея друзей!

Пустыхъ она не терпитъ поклоненій
И длинныхъ, шумныхъ, приторныхъ похвалъ;
Но кто, хоть разъ, права ея призналъ,
Въ томъ для другихъ нѣтъ мѣста убѣжденій,
И глубоко прекрасной вѣры той
Хранитъ завѣтъ онъ чистый и святой!

Спокоенъ, твердъ, — сомнѣній, колебаній,
Унынія не знаетъ въ мірѣ онъ!
И не питаетъ ложныхъ упованій,
И ужасомъ предсмертнымъ не смущонъ!
О жизни, здѣсь погибшей, не жалѣя,
Онъ жизнію невидимой живётъ;
Его душа безстрастна, какъ идея,
И вѣчное въ конечномъ сознаётъ;
И вѣритъ онъ, съ надеждой неземною,
Въ побѣду истины надъ зломъ и тьмою!..

XII.

УРАНІИ.

Тамъ гдѣ степямъ предѣловъ не видать,
Въ окружности равнинъ необозримой,
Желалъ бы я обитель основать
Въ честь музы, мной съ ребячества любимой;

И башню тамъ построить, и на ней
Снаряды всѣ собрать для наблюденій,
Чтобъ съ небесами, мыслію своей,
Бесѣдовать могъ человѣка геній!
Не праздности печальной и тупой,
Не суевѣрья мрачнаго заботамъ,
Воздвигнулъ-бы я памятникъ пустой, —
Но вычисленьямъ, выкладкамъ, разсчётамъ
Друзей науки, свѣтлой, міровой!

XIII.

ПРЕДСКАЗАНІЕ.

Пройдетъ война, — всему настанетъ судъ
Другой для насъ; народовъ поколѣнья
Другъ другу братски руку подадутъ,
Въ знакъ теплаго, живаго примиренья!

Пройдутъ вѣка, — и время поглотитъ
Презрѣнныхъ распрей глупыя причины, —
Звѣзда любви взойдетъ на свой зенитъ,
И широко міръ цѣлый осѣнитъ
Святая вѣтвь таинственной маслины!..

XIV.

ВНУТРЕННЕЕ НЕБО.

Не смотри такъ безразсудно
Вверхъ, на небо, въ часъ ночной...
Небо дивно, небо чудно,
Но внутри міръ лучше твой!

За далекими звѣздами
Тѣ-жъ міры, какъ міръ земли;
Тѣми-жъ грубыми вѣсами
Мы-бы взвѣсить ихъ могли;
Верхъ и низъ — пустые звуки!
И не внизъ-ли антиподъ
Обращаетъ къ небу руки,
Въ опрокинутый къ намъ сводъ?
Отдаленныя системы
Сходны, вѣрь, одна съ другой;
Въ томъ-же небѣ ходимъ всѣ-мы,
Увлеченные землей!
Не ищи-жъ душой усталой
Тамъ созданію вѣнецъ,
Гдѣ вездѣ всему начало,
И вездѣ всему конецъ!..

Но въ тебѣ, всегда съ тобою,

Лучше міръ, полнѣй чудесъ!
Предъ его святой красою
Блѣденъ яркій свѣтъ небесъ!
Все въ немъ дивно и глубоко,
Стройный все имѣетъ видъ, —
Въ немъ Божественное Око
Солнцемъ разума горитъ!
Какъ любовь онъ безконеченъ,
Какъ вселенная великъ!
Въ немъ — неистощимъ и вѣченъ —
Высшей жизни скрытъ родникъ!
Внѣ пространства, внѣ дѣленій,
Внѣ временъ, — міръ чудный тотъ —
Не случайный рядъ явленій,
Не пустой событій ходъ!
Путь событій нѣмъ и сложенъ,
Только нравственный законъ
Неизмѣненъ, непреложенъ,

Веществу не подчинёнъ!...
Только онъ мигъ каждый съ нами,
Въ полной цѣлости своей!..
И въ могилѣ, тлѣнья пламя
Не возьметъ минувшихъ дней:
Всѣ они съ чудесной силой
Принесутъ свой вѣчный плодъ, —
И что̀ будетъ, и что̀ было,
Что̀ прошло и что̀ придётъ, —
Все представится мгновенно
Духа чистаго очамъ,
Въ красотѣ преображенной,
Не подвластно временамъ!

Не плѣняйся-же природы
Ты огромностью нѣмой, —
Міръ сознанья, міръ свободы

Выше силы роковой!
Нѣтъ въ ней мѣста, было гдѣ-бы
Столько собрано чудесъ.
Вѣрь-же, внутреннее небо
Лучше видимыхъ небесъ!

XV.

СКОРБЬ О ПРАВДѢ.

Блаженъ, кто слёзы проливаетъ,
Кто правды жаждою томимъ,
Кто недоволенъ, кто страдаетъ
Страданьемъ брата, какъ своимъ!

Кто любомудренно простился
Съ приманкой почестей пустыхъ
И внутрь себя уединился,
Свободенъ, молчаливъ и тихъ!..

Вокругъ него мятутся страсти:
Желанья грубыя людей
Не идутъ дальше денегъ, власти,
Пустыхъ забавъ, пустыхъ затѣй...
Но въ ихъ волненіи безумномъ
Мудрецъ участья не беретъ,
Задумчивъ онъ на пирѣ шумномъ,
И слезы праведныя льётъ...

И этихъ слезъ, и скорби этой
И, правды ради, мукъ святыхъ,
Вѣрь, не забудетъ Зодчій свѣтовъ
И въ книгу жизни впишетъ ихъ!

И въ царствіи Своемъ помянетъ
Онъ васъ, избранники, когда
Побѣды день однимъ настанетъ,
Другимъ — день смерти и суда!

* * *

XVI.

МУЧЕНИКУ.

Во дни гоненій, ты съ друзьями
Опасной мысли не таилъ!
Ты ихъ кровавыми слезами
Не торговалъ и не шутилъ!

И не отрекся, ради страха,
Отъ убѣжденій ты своихъ,
Тебя не изумила плаха,
Ты жертвой честной палъ за нихъ!

И палачи, окончивъ дѣло,
Стоятъ угрюмо надъ тобой...
У ногъ ихъ трупъ, нѣмое тѣло —
Но гдѣ-же духъ отважный твой?
Онъ угрожаетъ вамъ незримо,
Гонители, со всѣхъ сторонъ...
Онъ правды лучь неумолимый,
Онъ міра вѣчнаго законъ!

XVII.

ПРИМИРЕНІЕ.

Успокойся, духъ мятежный!
Не страдай и не ропщи!
Думой горько-безнадежной
Смысла міру не ищи!

Всѣмъ природа мать родная,
Всѣхъ на пиръ сзываетъ свой!..
Или чаша круговая
Обошла тебя порой?
Иль не каждое мгновенье
Для поэта-мудреца
Жизнь готовитъ наслажденье?
Иль страданьямъ нѣтъ конца?
Есть всему конецъ желанный —
Разрушенья часъ святой!
День закатится туманный,
День взойдетъ для насъ другой!
И, съ душою примиренной,
Позабывъ весь прежній міръ,
Всѣ, въ одеждѣ обновленной,
Сядемъ мы за брачный пиръ!
Успокойся-жъ, духъ тревожный,
Не ропщи и не страдай,

И на знанья свѣтъ ничтожный
Радость сердца не мѣняй!..

XVIII.

ПРИВѢТЪ БѢДНОСТИ

Въ тебѣ, святая нищета,
Есть тайное благословенье!
Съ тобою радость и мечта,
Съ тобой любовь и увлеченье!

Въ богатствѣ скрытъ для сердца ядъ!
Всѣ жадны богачи, какъ волки!
Скорѣй продѣнется канатъ
Сквозь тонкое ушко иголки,
Чѣмъ тотъ спасется, кто богатъ!
Для богачей безъ состраданья
И злая времени коса;
Но благосклонны Небеса
Къ тому, кто чуждъ любостяжанья!
Ему всегда природа — мать,
Всегда спѣшитъ его принять
Въ свои отверстыя объятья,
А на богатствѣ есть печать
И отверженья и проклятья!...

XIX.

ИСКУШЕНІЕ.

Я монахъ гробовой; — передъ ракой святой
Сорокъ лѣтъ я молебны служу;
Сорокъ лѣтъ мой покой не смущёнъ былъ мечтой,
Я ужъ старъ, я насилу хожу...

Вѣрьте-жъ, дѣти, вы мнѣ: не въ бреду, не во снѣ,
Вотъ недавно что̀ днёмъ видѣлъ я...
Я усталый стоялъ, помню, что-то шепталъ,
Чётки были въ рукахъ у меня...
Много разныхъ старухъ тутъ стояло вокругъ,
Солнце какъ-то свѣтило блѣднѣй...
Что-то странное вдругъ поразило мой слухъ,
Я взглянулъ... и что-жъ вижу? ей, ей...
Ангелъ чистый небесъ — утѣшенье очесъ —
Весь, какъ снѣгъ, предо мною блисталъ!
Его плечи лилей были чище, бѣлѣй...
Но я крыльевъ на нихъ не видалъ!
И повыше плечей, темнорусыхъ кудрей
Рядъ со всѣхъ разсыпался сторонъ...
И какъ будто въ атласъ, или въ дымку и газъ
Стройный станъ былъ его облечёнъ.
Онъ откинулъ назадъ дивныхъ локоновъ рядъ,
Онъ слегка отряхнулъ головой,

И по храму вокругъ тонкій ландышей духъ
Вдругъ понёсся незримой струёй...
То пахучій жасминъ различалъ я одинъ,
То фіялкой я нѣжной дышалъ...
Ароматовъ земныхъ, въ тотъ таинственный мигъ,
Я, казалось, всю прелесть узналъ!
Вотъ опять головой повернулъ ангелъ мой,
И ко мнѣ обратился лицомъ, —
Что за ликъ неземной мнѣ явился! — живой,
Весь проникнутъ небеснымъ огнёмъ!
Я едва не упалъ... тутъ склонясь мнѣ сказалъ
Онъ, смягчивъ юно-звучный свой гласъ:
«Будьте, батюшка, вы, такъ, прошу васъ, добры,
«Отслужите молебенъ для насъ.»
Я почувствовалъ страхъ, потемнѣло въ глазахъ...
Сколько я тутъ какъ мёртвый стоялъ
Ужъ не знаю... но вотъ, слышу старецъ идётъ
Что̀ меня иногда замѣнялъ; —

А посланникъ небесъ, я смотрю... ужъ исчезъ!..

То былъ сынъ-ли обмана и тьмы
Или призракъ святой, рая гость молодой,
Отблескъ вѣчной, духовной весны, —
Всё равно; мой разсказъ тѣмъ-же кончу для васъ
Я урокомъ, о дѣти мои!
Да блюдется вашъ умъ отъ мечтательныхъ думъ,
Отъ гордыни коварной змѣи!
Въ безпредѣльныхъ мечтахъ пользы нѣтъ; силенъ, врагъ!
Искушеніе можетъ принять
Всякій видъ, — и вѣрнѣй лучезарныхъ гостей
Только въ мірѣ заоблачномъ ждать!

XX.

ПОБѢДИТЕЛЮ.

Огонь, развалины и кровь —
Вотъ слѣдъ твоихъ опустошеній!
Плоды безчисленныхъ трудовъ
Исчезли, какъ пустыя тѣни!

Гдѣ ты прошелъ, внезапно стихъ
Веселья шумъ, — пожаровъ пламя
Въ одинъ обняло страшный мигъ
И дѣвъ убѣжища святыхъ,
И храмы жрицъ, любимыхъ нами...
Твоихъ рабовъ свирѣпый строй
Все истребилъ неумолимо!
Гдѣ ты прошелъ съ своей войной,
Тамъ нѣтъ людей, жилаго дыма,
Потоптанъ хлѣбъ, повсюду кровь...
Все рушилось въ безумной сѣчѣ —
И отъ красивыхъ городовъ
Остались пустыри, да печи!..

XXI.

ПОСЛѢДНІЙ ПРИЗРАКЪ.

Три дня какъ разбился о камень подводный
Корабль и на дно потонулъ...
А море не стихло, а вѣтеръ холодный
Упорно всё съ берега дулъ!

На длинномъ обломкѣ, держались уныло,
Себя привязавши къ доскамъ,
Двѣ жертвы крушенья, — и страшно носило
Страдальцевъ по грознымъ волнамъ!
Три дня и три ночи, безъ сна и безъ хлѣба,
Ужасною жаждой томясь,
Они не сводили съ угрюмаго неба
Сверкавшихъ отъ голода глазъ...
Но небо покрыто всё тучами было,
Шумъ волнъ ни на мигъ не стихалъ,
И вѣтеръ всё съ той-же ужасною силой
Въ открытое море ихъ гналъ!..
Одинъ изъ несчастныхъ, не видя спасенья,
Томясь нестерпимой тоской,
Себя отвязалъ вдругъ... и въ то-же мгновенье
Былъ смытъ набѣжавшей волной!..
И долго товарищъ — теперь одинокій —
Могъ видѣть, какъ зубы акулъ,

Надъ тощею яствой, трудились жестоко...
А вѣтеръ по прежнему дулъ....
Насталъ день четвертый, и вотъ въ отдаленьи,
Казалось, свѣтлѣй небеса;
И моря, какъ будто, потише волненье —
Но гдѣ-жъ кораблей паруса?
Гдѣ вѣстникъ надежды, когда-же весь бѣлый,
Какъ ангелъ, блеснетъ онъ вдали?
Неужели море совсѣмъ опустѣло,
И въ пристани всѣ корабли?
Неужели въ этой пустынѣ безбрежной
Погибнуть пловцу суждено, —
Далеко отъ милыхъ, съ тоской безнадежной,
Спуститься на страшное дно?..
А день между тѣмъ ужъ къ закату клонился,
Темнѣли вверху облака,
Край чистый небесъ всё блѣднѣй становился,
Духъ падалъ въ груди моряка...

И вотъ, — надъ огромною, чорной волною,
Ему вдругъ представился домъ,
Гдѣ счастливо, дружно, такъ жилъ онъ съ женою,
Съ дѣтьми, съ престарѣлымъ отцомъ;
Гдѣ дѣти такъ крѣпко его обнимали,
Прощаясь, въ послѣдній съ нимъ разъ!...
Разбилась волна... и въ безоблачной дали
Съ зарею надежды лучь гасъ!
Разбилась волна — и за нею все то же,
Другая катилась волна...
А то, что̀ всего намъ для сердца дороже,
Исчезло, какъ знаменье сна!
И тамъ, гдѣ прямой, неизбѣжной чертою
Видъ моря всегда окружонъ,
Все у̀же вечерней зари полосою
Далекій горѣлъ небосклонъ...

XXII.

ЗАКЛИНАНІЕ.

Природы стихійныя силы,
И духи отшедшихъ отцовъ,
Изъ дальныхъ планетъ, изъ могилы,
На мой собирайтесь всѣ зовъ!

Смотрите — вотъ ключь Соломона!
Вотъ дивный его пентаграммъ!
Могучій вотъ знакъ Метатрона,
Его-ли ослушаться вамъ?

Имѣлъ на землѣ я отраду,
Прекрасную радость очей!
Но вѣчную въ смерти преграду
Встрѣчаетъ блаженство людей;
И вотъ такъ внезапно, нежданно,
Она улетѣла, — туда,
Въ тотъ край безотвѣтный, туманный,
Гдѣ здѣшнему нѣтъ и слѣда!..

Напрасно спѣшилъ я проститься,
Увидѣться съ ней еще разъ,
И взоромъ прекраснымъ упиться...
Но взоръ ужъ навѣки погасъ!

Я долго надъ трупомъ несчастной
Въ тоскѣ безнадежной рыдалъ!
Никто такъ глубоко, такъ страстно
Меня не любилъ, не ласкалъ...

И что-же! Умѣлъ-ли понять я,
Умѣлъ-ли вполнѣ оцѣнить
Любви безкорыстной объятья,
Себя въ нихъ и міръ весь забыть?
Я гордой, ревнивой мечтою
Терзался, — а страсти полна
Своей благородной душою
Мнѣ вся предавалась она!

И горечь послѣдней разлуки
Ничѣмъ усладить я не могъ!
Не видѣлъ предсмертныя муки,
Не принялъ послѣдній я вздохъ!

Не самъ гробъ убралъ я цвѣтами,
Не самъ я ее схоронилъ,
И долго, не тронутъ годами,
Во мнѣ образъ милый всё жилъ...

Но время, ужасное время!
Жестокій цѣлитель скорбей!
Какъ часто и совѣсти бремя
Сдвигаешь ты съ сердца людей!
И съ той-же безпечностью злою
Твой губитъ могучій потокъ
То горе давно прожитое,
То памяти нѣжный цвѣтокъ!

Сюда-же, стихійныя силы!
Изъ звѣздныхъ, тончайшихъ лучей
Составьте опять образъ милый
Въ душѣ утомленной моей;

Составьте прекрасное тѣло,
Подъ тѣнью роскошныхъ кудрей,
Чтобъ такъ-же изящно и бѣло
Явилось, какъ было у ней!...

* * *

XXIII.

Блаженъ, чей прахъ, въ могилѣ тёмной,
Надгробный стихъ не тяготитъ!
Чей бѣдный холмъ, чей камень скромный
Отъ взоровъ суетныхъ сокрытъ!

Кто, въ грудѣ общей, безъимянной, —
Забытыхъ, смѣшанныхъ костей,
Исчезъ для всѣхъ, въ дали туманной,
Съ толпой безчисленныхъ тѣней!...

XXIV.

ФАУСТЪ.

Къ чему вѣнецъ и мудрости и знанья,
Къ чему науки безмятежный свѣтъ,
Страстей, желаній долгое молчанье
И опытность прожитыхъ, многихъ лѣтъ!

Къ чему всё это, если невозвратно
Утратить могъ, въ одинъ несчастный мигъ,
Я миръ души, святой и благодатный,
И плодъ трудовъ и бдѣній плодъ моихъ!
Явился ты, о духъ неблагодарный!
И въ зеркалѣ волшебномъ показалъ
Мнѣ красоты плѣнительно-коварной
Давно, давно забытый идеалъ!
И вотъ опять, какъ въ юности безумной
Мнѣ сердцемъ долго суждено страдать...
Кипитъ въ груди потокъ желаній шумный,
Огонь страстей волнуется опять...
И къ дѣвѣ чудной — всё душа стремится
Томительнымъ предчувствіемъ полна,
Съ ея душой хотѣла-бъ тѣсно слиться,
Чтобъ вмѣстѣ насъ несла временъ волна!
Простаго мнѣ, здѣсь, мало обладанья!
Желалъ-бы я, — несчастный чародѣй —

Чтобъ образъ мой, въ часъ тайнаго мечтанья
Всегда, вездѣ носился передъ ней!
Чтобъ посреди дѣвическихъ видѣній,
Въ тиши безсонныхъ, огненныхъ ночей,
Всегда при ней былъ мой ревнивый геній
И объ любви твердилъ одной моей!...

XXV.

СЛАВЯНСКІЙ ВОПРОСЪ.

Я оставлялъ первопрестольный градъ,
Разсѣянно друзья мнѣ руку жали,
Просили всѣ скорѣй опять назадъ,
Но холодно, угрюмо провожали;

Обрядъ прощанья, скучный и пустой
Не могъ отвлечь надолго ихъ вниманья,
Ихъ занималъ вопросъ тогда другой,
Вопросъ вполнѣ достойный изысканья:
«Славянъ-ли Богъ, какъ свой народъ, избралъ,
Другимъ народамъ всѣмъ во поученье?
И не ему-ль всю землю даровалъ,
Въ потомственное, вѣчное владѣнье?
Не ясно-ль, что славянскій нашъ народъ
Въ египетскихъ замѣтенъ іероглифахъ,
И не объ немъ-ли рѣчь вездѣ идётъ
Въ древнѣйшихъ и преданіяхъ и миѳахъ?..»

Вотъ наконецъ пріѣхалъ и назадъ,
Въ отлучкѣ бывъ лѣтъ десять я изъ дòма...
Все тотъ-же былъ первопрестольный градъ
И тотъ-же звонъ мнѣ слышался знакомый;
Къ друзьямъ спѣшилъ я съ радостью большой,

Но холодно меня они встрѣчали;
Ихъ занималъ вопросъ теперь другой,
Объ нёмъ они усердно толковали
И день и ночь: «Славянскій славный родъ
Въ египетскихъ не зрится-ль іероглифахъ?
И не объ немъ-ли рѣчь вездѣ идётъ
Въ древнѣйшихъ и преданіяхъ и миѳахъ?
Не ясно-ли, что Богъ его избралъ
Другимъ народамъ всѣмъ во поученье?
И не ему-ль всю землю даровалъ
Въ потомственное, вѣчное владѣнье?..»

XXVI.

СѢВЕРЪ.

Вотъ та страна, гдѣ не цвѣтетъ лимонъ,
Гдѣ апельсинъ на воздухѣ не зрѣетъ;
Гдѣ какъ-бы въ сонъ какой-то погруженъ
Самъ человѣкъ съ природой цѣпенѣетъ!

Гдѣ долго снѣгъ лежитъ со всѣхъ сторонъ,
Гдѣ въ яркій полдень солнца лучь не грѣетъ,
Гдѣ одноцвѣтный, сѣрый небосклонъ
По цѣлымъ днямъ на душу скукой вѣетъ!..

Вотъ та страна, гдѣ нѣтъ высокихъ горъ,
Свидѣтелей дней первозданныхъ міра,
Когда земля — остывшій метеоръ —
Неслась въ пространствахъ вѣчнаго эѳира!
Гдѣ океана царственныхъ валовъ
Не видывалъ лѣсовъ угрюмый житель,
Гдѣ мраченъ видъ пустынныхъ городовъ
Какъ иноковъ печальная обитель!..

Зачѣмъ-же такъ при видѣ той страны,
Однообразной, тихой и унылой,
Всѣ чувства вдругъ во мнѣ потрясены
И сердце бьется съ новой, чудной силой?

Затѣмъ, что здѣсь провелъ я много лѣтъ,
Лѣтъ юности... она не повторится!
И въ первый разъ увидѣлъ Божій свѣтъ
И въ женщину могъ въ первый разъ влюбиться!

XXVII.

УѢЗДНАЯ ПѢСНЯ.

Снѣгъ клоками валитъ, вѣтеръ шумно гудитъ,
Вкругъ села только сосны, да поле...
Да избушекъ гнилыхъ несмѣющійся видъ
Упрекаетъ насъ въ чьей-то всё долѣ!...

Но забудемъ скорѣй страшный міръ дикарей,
Гулъ идущей къ намъ издали бури...
Голосъ тайныхъ заботъ, встрѣтимъ весело годъ,
Какъ подъ небомъ чистѣйшей лазури!

Пусть-же буря гудитъ, воронъ вѣщій кричитъ
Пусть кругомъ все темно и уныло!
Пусть проѣзжій въ дорогѣ отъ стужи дрожитъ,
Только намъ-бы не холодно было!
Снѣгомъ чистымъ до дна, для прохлады вина,
Мы набьемъ позлащенныя урны,
И бокалы поднявъ — такъ велитъ старина —
Запоемъ всѣ, подъ ладъ пѣсни бурной:

«Да избавитъ насъ Богъ отъ осеннихъ дорогъ,
Отъ стенаній пустаго кармана!
Отъ тщеславія глупаго жалкихъ тревогъ,
Отъ любви безпокойной обмана!

От голодныхъ годовъ, отъ докучныхъ долговъ,
    Отъ суровой зимы и мятели...
И чтобъ долго, какъ нынѣ, на праздничный зовъ
    Всѣ такъ дружно мы пили и пѣли!..»

XXVIII.

ЧИНОВНИКУ.

1.

Я съ вами согласенъ: науки, искусства,
Поэзіи съ міромъ раздоръ,
Глубокія думы, высокія чувства,
Всё это — безумье и вздоръ!

Вы правы, — одно только въ жизни и важно:
Доходныя зе́мли, мѣста́...
Да міръ канцелярскій, чернильно-бумажный —
А прочее всё суэта!

2.

ПОРТРЕТЪ.

Видъ лукавый, видъ умильный,
Раболѣпно-хищный взглядъ, —
Голова набита сильно
Жаждой денегъ и наградъ!

У министра вѣкъ въ прихожей,
За чины продастъ отца! —
Вотъ портретъ довольно схожій
Вамъ извѣстнаго лица!

XXIX.

Куда бѣжать отъ нихъ, гдѣ скрыться... всюду
Всё тѣ-же люди! глупость и порокъ,
И низость ихъ, вездѣ встрѣчать я буду,
Куда-бъ меня ни бросилъ тайный рокъ!

*
* *

Туда-ль пойду, гдѣ тополь величавый,
Молитвенно, свой вверхъ подъемлетъ листъ, —
Въ страну-ль искусствъ, въ страну-ли мирной славы
Гдѣ воздухъ теплъ и сводъ лазурный чистъ!
Гдѣ круглый годъ зеленыя долины
Красуются, гдѣ вьётся виноградъ,
И дикихъ горъ громадныя вершины
Въ озéра синія глядятъ!..

Но человѣкъ и тамъ все тотъ-же!.. Данникъ
И жалкій рабъ неистовыхъ страстей,
Потускнулъ въ немъ, давно, небесъ изгнанникъ,
Остался-жъ звѣрь... глупѣйшій изъ звѣрей!
Забывъ завѣтъ священный Моисея,
Боговъ себѣ онъ создалъ на землѣ,
И падаетъ предъ ними, не краснѣя,
Въ густой погрязнувъ суевѣрья мглѣ!

Вездѣ обманъ! Вездѣ слѣпая сила,
И честь и совѣсть бросивъ на пути,
Все свѣтлое попрала, подавила. .
Куда-жъ бѣжать, куда уйдти!

XXX.

МЕЧТА.

Ночью, въ длинную безсонницу,
Я зимой смотрю на дворъ...
Съ странной вѣрой, сквозь оконницу,
Въ небо свой вперяю взоръ;

Вотъ не явится-ль прекрасная,
Грозно-яркая звѣзда!
И освѣтитъ небо ясное
Ангелъ правды и суда!
И падутъ, коварства полныя,
Дѣти зла и суеты....
Но спокойна ночь безмолвная,
Ангелъ правды, гдѣ-же ты?

XXXI.

НЕВЕЩЕСТВЕННЫЙ СВѢТЪ.

Есть дивный свѣтъ; невозмутимо чистъ,
Онъ въ насъ горитъ широкою зарёю;
Ни ядъ похвалъ, ни черни буйный свистъ,
Не омрачатъ ни лестью, ни хулою

Его красы! Незримый, тихій лучь
Проникнетъ къ намъ, въ темницѣ, въ шумѣ пира,
Раздвинетъ мракъ тяжелыхъ жизни тучь
И глубина блеснетъ другаго міра!...

XXXII.

Вѣкъ промышленниковъ важныхъ,
Вѣкъ, во всемъ гдѣ мракъ и ложь!
Вѣкъ писателей продажныхъ
И разсчетливыхъ вельможъ!

Вѣкъ глупцовъ самолюбивыхъ,
Вѣкъ холодныхъ, скучныхъ дамъ,
Чувствъ возвышенныхъ порывы
Я тебѣ не передамъ!
Жаръ святой негодованья,
Къ дѣлу общему призванье
Не пробудятъ дряхлый свѣтъ!
Посреди шутовъ несчастныхъ
И совѣтниковъ безгласныхъ,
Людямъ правды мѣста нѣтъ!...

XXXIII.

НАДЕЖДА.

Не вѣрю я въ уничтоженье,
Не вѣрю, что въ послѣдній часъ
Одно стихій земныхъ броженье
Такъ грустно ждетъ за гробомъ насъ!

Осадокъ жизни, — трупъ презрѣнный,
Пусть распадется, догоритъ,
И какъ животныхъ остовъ тлѣнный
Для насъ такой-же приметъ видъ;
Но вслѣдъ за внѣшностью явленій
До правды не легко дойдти,
И путь тяжелый умозрѣній
Вѣрнѣй нагляднаго пути.
Земля и плоской и недвижной
Не представляется-ли намъ?
А безъ науки многокнижной
Мы долго-бъ вѣрили глазамъ.
Такъ грубыхъ чувствъ вседневный опытъ
Являетъ намъ здѣсь бренный прахъ,
Поднявъ въ душѣ какой-то ропотъ
Унынье, ужасъ, грусть и страхъ!
Что-жъ! Если къ жизни намъ извѣстной
Обратный путь и заграждёнъ,

То здѣшнихъ знаній въ сферѣ тѣсной
Кто бытія постигъ законъ?
Въ пространствѣ томъ-же, можетъ статься,
Есть міръ завѣтныхъ, таінныхъ силъ, —
Покуда съ нимъ соприкасаться
Уставъ природы запретилъ;
Но впереди — всѣхъ ждетъ свиданье!
И жаръ любви, и мысли свѣтъ,
И вѣры лучшія желанья
Получатъ полный тамъ отвѣтъ.

XXXIV.

Печальное, пустое поколѣнье!
Досадно мнѣ, — и жаль тебя не разъ!
Къ чему весь шумъ сухаго словопрѣнья,

И долго-ли-жъ онъ тѣшить будетъ васъ?
Иль вправду мы такъ просвѣщенны стали,
Что намъ пора на лаврахъ отдыхать,
И, отъ вопросовъ жизненныхъ подалѣ,
Все старый хламъ одинъ перебирать?
На обветшалыхъ, старыхъ основаньяхъ
Нельзя построить новый, прочный домъ;
Въ отжившихъ формахъ, въ плеснѣлыхъ преданьяхъ,
Премудрости большой мы не найдёмъ!
А, между тѣмъ, вкругъ насъ ничто не дремлетъ,
Все движется, стремится всё впередъ, —
Наука міръ собой ужъ весь объемлетъ,
И только васъ на подвигъ мирный ждётъ.
Работники на полѣ просвѣщенья
Вамъ предстоитъ немаловажной трудъ,
Оставьте же всѣ эти разсужденья,
Весь этотъ шумъ пустой! Потомства судъ
Вотъ будетъ ваша казнь или награда, —

Безплодный время бросить разговоръ...
Такъ Греки при паденьи Царяграда
О догматахъ свой продолжали споръ!..

XXXV.

КЪ *.**

Не называй меня, пріятель,
Своимъ товарищемъ; судьбѣ
Не такъ угодно было... кстати-ль
Мнѣ быть товарищемъ тебѣ!

Надъ фоліантомъ, въ мрачныхъ сводахъ
Книгохранилищъ, ты не чахъ;
Ты былъ въ разъѣздахъ, былъ въ походахъ,
А можетъ статься, и въ дѣлахъ...
Еще съ ребячества пристроенъ,
Безпеченъ, толстъ, румянъ и бѣлъ —
Счастливый отрокъ, свѣтскій воинъ —
Друзей ужъ въ дѣтствѣ ты имѣлъ!
Съ тѣхъ поръ, какихъ воспоминаній
Ты въ жизни съ ними не дѣлилъ...
А я, подъ тѣнью старой няни,
Я росъ задумчивъ и унылъ!
Съ веселой сверстниковъ толпою
Я не игралъ, — и одинокъ,
Наполнить дружбы теплотою
Я сердца грустнаго не могъ!
Не зналъ я радостей невинныхъ, —
Старикъ душой, въ разсвѣтѣ лѣтъ,

Въ тяжеломъ воздухѣ гостиныхъ,
Я въ первый разъ увидѣлъ свѣтъ!
На этомъ поприщѣ безплодномъ,
Мы, помню, встрѣтились съ тобой...
Какимъ веселымъ и свободнымъ
Ты тамъ явился предо мной!
Твой путь усыпанъ былъ цвѣтами,
Тебя берёгъ, со всѣхъ сторонъ,
Съ неумолимыми когтями
Сестеръ и тетокъ легіонъ!
Не такъ былъ встрѣченъ я, — безъ друга,
Безъ снисходительной родни,
Въ часы трудовъ, въ часы досуга,
Я неудачи зналъ одни!
И рано я привыкъ съ презрѣньемъ
Смотрѣть на свѣтъ и на людей,
Я жизнь свою наполнилъ чтеньемъ,
Я мертвыхъ полюбилъ друзей!

Съ пустынникомъ готовы были
Всегда бесѣдовать они...
Такъ беззаботно проходили
Мои незнаемые дни!
Не гарцовалъ я, передъ строемъ,
На удивительномъ конѣ,
И не рядился я героемъ,
Въ блестящей каскѣ и бронѣ!
Для дамъ — со вкусомъ вѣчно дѣтскимъ,
Всходя, по лѣстницѣ, на балъ,
Съ осанкой, съ видомъ молодецкимъ,
Тупой я саблей не бренчалъ!...
Науки скромный почитатель,
Я ей одной былъ другъ.... судьбѣ
Ужъ такъ угодно было! Кстати-ль
Мнѣ быть товарищемъ тебѣ!...

XXXVI.

МЕРТВЫЙ СПУТНИКЪ.

Среди планетъ и малыхъ и большихъ,
Разбросанныхъ въ пространствѣ безконечномъ,
Одна планета — всѣхъ грустнѣй изъ нихъ —
Намъ спутникомъ обречена быть вѣчнымъ!

Съ которыхъ поръ въ ней жизни шумъ затихъ?
Громадный слитокъ мертваго металла,
Была ль и жизнь когда нибудь на ней?
Или другихъ судебъ она не знала
Какъ за большой сестрой слѣдить своей?
Погружена въ средѣ безатмосферной,
Безмолвію навѣкъ обречена,
Какой-то страхъ наводитъ суевѣрный
Своимъ зловѣщимъ отблескомъ она!
Ея долинъ, изрытыхъ безпощадно
Потоками погасшаго огня, —
Луговъ, цвѣтовъ, не краситъ видъ отрадный,
Не бьётъ ключей сребристая струя!
Все сухо тамъ! на всемъ печать кончины!
Придетъ-ли ночь, взойдетъ-ли снова день, —
Съ глубокими жерлами горъ вершины
Бросаютъ внутрь однѣ густую тѣнь!...
Какъ остовы торчатъ нагія скалы,

И тишины могильной, роковой,
Ни пѣнье птицъ на мигъ не нарушало,
Ни листьевъ шумъ, ни бури дикій вой!..
Печальный міръ! Безмолвному покою
Тебя обрекъ таинственный законъ;
Пустыней быть холодной и нѣмою
Надолго-ли ты Небомъ осуждёнъ?
Иль навсегда твое предзначенье
Быть зеркаломъ однимъ дневныхъ лучей,
И услаждать часы уединенья,
И путнику свѣтить во тьмѣ ночей!...

*
* *

XXXVII.

НЕКРОМАНЪ.

ДУХЪ.

Зачѣмъ меня, могучій некроманъ,
Ты пробудилъ отъ долгаго покоя?
Опять я здѣсь, — и снова чувствъ обманъ
Мнѣ воскресилъ прожитое, былое...

Мнѣ кажется, я нахожусь опять
Въ томъ времени, далекомъ, можетъ статься,
Когда спѣшилъ я деньги собирать,
И съ ними вдругъ былъ осужденъ разстаться!

Гдѣ-жъ мѣсто то, подъ старою сосной,
Куда зарылъ я мой сундукъ тяжолый?..
Онъ тамъ сгніетъ, истлѣетъ подъ землей,
Онъ весь сгоритъ, онъ обратится въ золу....
Подайте-жъ ключь скорѣе мнѣ, мой ключь!
Онъ былъ со мной въ послѣднее мгновенье,
Когда тускнѣлъ въ мозгу сознанья лучь,
Когда всѣхъ чувствъ пришло оцѣпененье...

НЕКРОМАНЪ.

Несчастный духъ! Не для того призвалъ

Тебя я знакомъ страшныхъ заклинаній,
Чтобъ предо мной, какъ сонный, повторялъ
Ты жалкій бредъ земныхъ воспоминаній!
Другой вопросъ — важнѣе — предложить
Тебѣ я долженъ... требую отвѣта!
Гдѣ могъ такъ долго ты незримый быть?
Откуда ты? какого житель свѣта?
Съ безчувственной Изиды пелену
Хочу сорвать я силою заклятья...
Открой-же мнѣ всей тайны глубину:
Гдѣ дѣды наши? гдѣ отцы? гдѣ братья?

ДУХЪ.

Предъ волей непреклонною твоей,
Передъ твоей печальною наукой,
Не властенъ я молчать, о чародѣй!

Ты мнѣ грозишь какой-то новой му́кой...
Отвѣтъ сейчасъ тебѣ я дамъ... постой!..
Еще свѣжо всё въ памяти осталось,
Еще такъ ясно вижу предъ собой
Всё то, что̀ такъ узнать тебѣ желалось;
Хотя въ мозгу твоемъ, теперь, съ тобой
Живу, на мигъ, я общимъ разумѣньемъ,
Но въ сферѣ не совсѣмъ еще земной...
Такъ слушай-же...
Но страннымъ затрудненьемъ
Въ началѣ самомъ остановленъ я:
Всѣ языки земные, всѣ, возникли
Отъ корня одного — и переводъ
На нихъ, подчасъ, хоть труденъ, но возможенъ;
Но какъ могу тебѣ я передать
Что̀ не имѣетъ на землѣ значенья?
На каждомъ словѣ вашемъ есть печать
Пространства узъ, и времени, и тлѣнья...

Напрасно я спѣшу переложить
На узкія, условныя понятья,
На непрозрачный, темный вашъ языкъ
Все, что цѣною жизни могъ узнать я!
Усилья тщетны всѣ мои... — Прости!
Но не жалѣй, мой бѣдный повелитель,
Что, на избитомъ жизненномъ пути,
Иныхъ чудесъ — и лучшихъ — ты не зритель;
Блаженство знанья тѣмъ принадлежитъ,
Чей благородный чистъ всегда былъ геній!
Невыносимъ, ужасенъ, страшенъ видъ
Своихъ давно забытыхъ преступленій!..
Ужасно совѣсть черную носить,
Не скрытую ни подъ какимъ покровомъ,
И страсти всѣ дурныя сохранить
На казнь себѣ, на муку, въ мірѣ новомъ...
Къ покою путь одинъ ведетъ людей
Онъ на землѣ для всѣхъ еще возможенъ;

Другой-же всякій путь, о чародѣй,

Обманчивъ, вѣрь, и суетенъ, и ложенъ....

XXXVIII.

Въ жизни общества растлѣнной,
Посреди пустыхъ заботъ,
Чувствую, родникъ священный
Бить ключемъ перестаетъ!

Вижу я, въ душѣ могучей
Гаснуть сталъ огонь святой,
И, изъ бездны, горя тучи
Идутъ темной полосой...

Грустно мнѣ! Неужли въ мірѣ
Не видать счастливыхъ дней?
Неужли, на свѣтломъ пирѣ,
Я послѣдній изъ гостей!
И пора подняться съ мѣста,
Путь направить за порогъ...
Тамъ — ужасная невѣста
Ждетъ въ подземный свой чертогъ...

XXXIX.

ПРОЩАЛЬНЫЙ СТИХЪ.

Обѣтъ молчать себѣ я въ жизни далъ
И изломалъ перо... такъ рыцарь плѣнный,
Свой благородный гордо мечь ломалъ,

Чтобы его не запятнать измѣной!..
О чемъ писать? И для кого писать?
Возможное въ семъ мірѣ не обильно!
На всемъ лежитъ ничтожества печать,
Все мелко, пусто, жалко и безсильно!
Иль ваши распри стану я слѣдить,
Я, — лицемѣрья врагъ непримиримый,
И мысль свою уродовать, кроить
По мѣркѣ, всѣмъ равно необходимой!
Пигмейскія заботы эти мнѣ
Не въ силахъ дать тревожнаго волненья,
Когда-же вамъ такъ дороги онѣ,
Что нѣтъ той лжи, такаго униженья,
Къ которому бъ не пріучились вы,
Перебирать чтобъ только можно было
Риторики вамъ вялые цвѣты,
Да истреблять бумагу, да чернила!
То пусть писать охота мучитъ васъ,

Невинное тутъ вижу я безумье!
Придетъ для всѣхъ, и слишкомъ рано, часъ
Суроваго и грустнаго раздумья!...

Оглавленіе.

—

		стр.
I.	Музамъ	7
II.	Міры	9
III.	Голосъ бури	13
IV.	Астрологъ	16
V.	Равенство	21
VI.	Духъ смерти	25
VII.	Видѣніе узника	27
VIII.	Изъ Лукреція	37
IX.	Лета	39
X.	Пустыннику	41
XI.	Любовь	43
XII.	Ураніи.	45
XIII.	Предсказаніе	47
XIV.	Внутреннее небо	49
XV.	Скорбь о правдѣ	54
XVI.	Мученику	59
XVII.	Примиреніе	61

XVIII. Привѣтъ бѣдности 65
XIX. Искушеніе 67
XX. Побѣдителю 71
XXI. Послѣдній призракъ 73
XXII. Заклинаніе 77
XXIII. «Блаженъ, чей прахъ» 83
XXIV. Фаустъ 85
XXV. Славянскій вопросъ 89
XXVI. Сѣверъ 93
XXVII. Уѣздная пѣсня 97
XXVIII. 1. Чиновнику. 2. Портретъ 101
XXIX. «Куда бѣжать отъ нихъ» 105
XXX. Мечта 109
XXXI. Невещественный свѣтъ 111
XXXII. «Вѣкъ промышленниковъ важныхъ» . . . 113
XXXIII. Надежда 115
XXXIV. «Печальное, пустое поколѣнье» 119
XXXV. Къ *** 123
XXXVI. Мертвый спутникъ 127
XXXVII. Некроманъ 131
XXXVIII. «Въ жизни общества растлѣнной» . . . 137
XXXIX. Прощальный стихъ 139

